

С. К. ШАМБИНАГО
ИОАКИМОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Четвертую главу своего труда «История Российская с самых древнейших времен»¹ В. Н. Татищев посвятил тексту и комментариям «истории», точнее сказать — летописи Иоакима, новгородского епископа. По мнению исследователя, этот Иоаким — корсунянин, первый владыка в Новгороде, является неведомым Нестору, позабытым впоследствии летописцем. Если среди продолжателей Несторова свода некоторые известны поименно, например епископ новгородский Нифонт, игумен выдубицкий Сильвестр, то почему, по мнению Татищева, не быть в их числе Иоакиму, хотя бы отсутствовали прямые указания на его участие в летописании. Отсюда текст летописи должен пониматься как нарочито древнее произведение, писанное лицом искусным в истории, знавшим по-гречески, в известной степени не чуждым баснословия. Свое положение об авторстве именно этого епископа — грека, который приехал на Русь в 991 г. и скончался на новгородской кафедре в 1030 г., историк подкреплял ссылкой на рассказ о крещении новгородцев, в котором слова: «Мы же стоим на Торговой стране, ходихом по торжищам и улицам, учахом люди, елико можахом»² могут быть отнесены только к Иоакиму. Древнее происхождение летописного текста поддерживалось еще тем соображением Татищева, что в прологах и у польских хронистов встречается вкратце то, о чем яснее и полнее повествуется в Иоакимовской летописи, — значит она была источником для позднейших компиляций.

Рукопись досталась Татищеву случайно. Он так рассказывает о ее приобретении. В поисках материала приходилось обращаться во многие места и ко многим лицам. Между прочим, историк списался со своим земляком, архимандритом Бизюкова монастыря Мелхиседек Борщовым, лицом, плохо осведомленным в манускриптах, мало в них понимавшим и до такого материала не охотником. На запрос Татищева, нет ли в подначальном ему монастыре «старых историй», которые можно бы было получить для ознакомления, Мелхиседек письмом от 20 мая 1748 г. ответил, что таковых у него нет, что, как ему известно, немало старых письменных книг лежит в монастырях Успенском Старецком и Отроче Тверском, где он прежде был игуменом, но, за отсутствием описей, содержания их не знает, выслать сейчас

¹ Кн. I, ч. I, М., 1768.

² Стр. 39 «Истории» Татищева.

не может и достанет лишь при случае. Но вот есть некий монах Вениамин, большой коллекционер материалов по русской истории, ездит за ними по монастырям и домам, собрал немало уже книг русских и польских. К нему он, Мелхиседек, обращался с просьбой послать что-нибудь для Татищева, хотя бы под заклад для верности, но тот отказал, говоря, что сам собирается посетить историка, если только здоровье позволит, но, в конце концов, сославшись на хворь и старость, не поехал, хотя ему были обещаны подводы и харч. Взамен того поручил он отослать Татищеву три тетрадки, которые по использовании просил вернуть немедленно.

Тетрадки оказались вынутыми из сшитой книги, не из начала, так как были перенумерованы цифрами 4, 5 и 6. Они были писаны плохой новой скорописью, стилем простым, не книжным, смешивавшим старое с новым, наречием новгородским. Так определяет Татищев. Начало летописи, говорит он далее, посвящено повествованию о народах, подобно Несторову, но, судя по тому, что составитель летописи славян именовал сарматами и путался в географических приурочениях, надо полагать, что «он следовал за польскими историками». Отличительной особенностью текста является наличие сведений и подробностей, которых у Нестора нет вовсе. Все недостающее «до Нестора» Татищев обстоятельно напечатал. Эти-то дополнения и известны под именем Иоакимовской летописи, затейливое и баснословное средневековое которой столь долго питало скептицизм русских историков.

В примечаниях к своему рассказу о находке Татищев присоединяет разъясняющие детали. Оказывается, что «Вениамин монах токмо для закрытия вымышлен», т. е. что корреспондент историка, Мелхиседек Борщов, которому дана столь невысокая характеристика, как лицу, не любящему и далекому от древностей, прибегнул в известной степени ко лжи. Архимандриту не было никакой охоты разыскивать по монастырям «манускрипты», поэтому он выдумал нескладную историю о коллекционере Вениамине, который то разъезжал повсюду в поисках рукописей, то отказывался подняться «за старостью и болезнью», хотя ему и предлагались прогоны. Чтобы отвязаться от любознательного свойственника, Мелхиседек послал ему три наудачу выданных тетрадки, без начала и конца, очень нового по письму и языку манускрипта. Татищев, конечно, не был удовлетворен и запросил уже всю летопись, чтобы точнее определить хронологию и содержание памятника. Историк полагал, что тетрадки были специально для него снятыми копиями. Отсылая их Мелхиседеку, он просил дослать начальные и продолжение с седьмой тетради. Однако в сентябре того же 1748 г. архимандрит умер, пожитки его были частью расхищены, частью опечатаны Синодом. Поиски не привели к находке рукописи, но познакомили в известной степени с Вениамином. Он оказался казначеем при покойном и рассказал, что действительно у Мелхиседека была рукописная книга в виде связанных тетрадей, без переплета, обернутая кожей. Про нее архимандрит показывал разное: то, будто, он сам списать

ее в Сибири, то — что она чужая. Таким образом, три использованные Татищевым тетрадки стали единственным остатком оригинала, коего они составляли часть, а не предполагаемую историком копию. Принимая во внимание, что архимандрит, «яко мало грамоте изучен», сам всего этого не сложил, что текст летописи очень важен как любопытное дополнение к Несторовым известиям и что летописный отрывок сходен с польскими хрониками, Татищев решил при печатании выделить его как особую главу.

История находки рассказана обстоятельно, рукопись определена достаточно. Между тем Иоакимовская летопись вызвала среди ученых такую бурю скептицизма, что не останавливались даже перед обвинением историка в подделке известий, объявляли весь его труд лишенным достоверности.¹ Образовалось два лагеря: защитников и нападавших. Последние доходили до признания Иоакимовской летописи сочинением самого Татищева. Толчок такому отношению был дан Шлецеров, его поддержал Карамзин и, в сравнительно недавнее время, развил особенно Е. Голубинский. Другие, защитники, были более научно объективны. Опираясь на содержание и на сделанную издателем палеографическую оценку летописного отрывка, одни из них считали, что среди баснословия критикой может быть выделено историческое зерно (Болтин), другие — что это летопись подлинная, но позднего происхождения, составленная на основании какой-нибудь новгородской летописи, до нас не дошедшей, и, конечно, не Иоакимом Корсунянином (митрополит Макарий), третьи пытались более точно определить время возникновения летописи и делили ее на две части: первая, до вокняжения Рюрика, обнимает события древнейшие и представляет позднюю компиляцию польско-чешских хроник и русских хронографов, вторая — могла быть составлена лицом, близким к описываемой эпохе (Лавровский); таким сводчиком мог быть как Иоаким-грек, так и его ученик Ефрем (Бестужев-Рюмин). И. Линниченко² утвердил положение, что с XV, особенно в XVI—XVII вв., повсеместно распространился литературный обычай переделывать старый летописный материал при помощи баснословных украшений. В общем установлено, что Иоакимовская летопись представляет позднейшую компиляцию из разных по времени русских и иноземных летописей, изложенную согласно требованиям литературной моды с пояснениями и украшениями материала. Судя по ростовскому позднему летописанию, всецело относящемуся к подобному жанру, в качестве украшающих, баснословных добавлений служил в широкой степени материал чужих и местных преданий, легенд.

Историки не удовлетворяют такие документы. Их внимание не мо-

¹ Анализ «Истории Российской» Татищева и литература вопроса о нем подробно изложены И. Сенинговым. Историко-критические исследования о Новгородских летописях, М., 1887, стр. 147—435. Иоакимовской летописи посвящена I глава.

² И. Линниченко. Краледворская рукопись и Иоакимовская летопись — ЖМНП, 1883, ч. X.

жет приковать к себе позднее риторическое упражнение так, как привлекало оно далекого от придиричивой критики историка XVIII в. Историк литературы испытывает иные эмоции. Иоакимовская летопись — памятник дефектный, по нему нельзя судить о целом. Отрывок, между тем, весьма любопытен, так как фактический материал находится там в сильном поэтическом преломлении. Напрашиваются вопросы: не было ли в утраченной части манускрипта таких же завлекательных подробностей беллетристического характера? Если мелхиседековский подлинник утрачен, нет ли других подобных памятников? М. П. Погодин утверждал, что Иоакимовская летопись — не Татищевский обман, а что она попала к нему уже переделанная и обманенная, и что в рукописных сборниках надо искать других подобных переделок для сличения, и они, наверное, найдутся.¹

Татищев не перепечатал тетрадок целиком, а «выбрал токмо то, чего у Нестора не находится или здесь иначе положено». Его выборки начинаются с заглавия летописи, где настойчиво указывается на авторство какого-то Иоакима: «О князех русских староботных Нестор монах не добре сведом бе, что ся деяло у нас славян во Новеграде, а святитель Иоаким добре сведомый написа». Это заявление определяет прежде всего, что мелхиседековская рукопись представляла новгородскую летопись, составитель которой в знании древнейших новгородских событий признавался более компетентным, чем Нестор. Поэтому все занимательные подробности летописи предлагается понимать, как существенное дополнение к Несторову своду, сделанное знатоком всего, что происходило «у нас славян в Новгороде». Знаток этот — «добре сведомый» святитель Иоаким. Основываясь на этом имени, Татищев приписал составление летописи перу средневекового новгородского епископа. Историк усердно подыскивал доказательства авторству Иоакима Корсунянина, ибо ему казалось («мнится»), что рукопись, которую он получил от Мелхиседека, была сделанной для него, Татищева, копией с оригинала древнейшего. Полученные же тетрадки, как указано, были не копией, а частью подлинника. Ошибка, в которую впал историк, заключалась в том, что он основывал свое положение на знакомстве лишь с тремя начальными тетрадками, а не со всей рукописью, так и оставшейся ему неизвестной. Татищев как бы забыл обстоятельства находки, столь добросовестно им самим рассказанные. Поэтому приписывать составление свода духовному лицу средневековья не приходится за скудостью данных; надо искать иного «святителя» Иоакима.

Заглавие наводит еще на другое соображение: создается впечатление, что оно сделано из вторых рук, Полемиический выпад против киевского летописца, утверждающий, что для новгородской истории нашелся более знающий, чем Нестор, писатель, которому шире открыт драв-

¹ См. И. Сенигов. Указ. соч., стр. 157.

нейший материал, — не может принадлежать современнику автора Повести временных лет. Заглавие это позднейшее, имеющее целью привлечь внимание читателя к новому, несомненно «более интересному» летописному своду.

В «Повести о староботных (старобитных) князьях» рассказывается о походе Словена и Скифа к западу от своей первоначальной родины, причем Скиф остался у Понта, а Словен пошел еще дальше, достиг озера Ильменя и основал город Славянск Великий. Словен сделался родоначальником славянского племени, которое греки в похвалу называли Алазоны, а презрительно — Амазоны. Потомство основателя многие сотни лет владело великим городом. Один из позднейших его преемников, Вандал, весьма расширил границы владений, подчинив земли непокорных вассалов. Для сыновей своих, Избора, Владимира и Столпосвята, он заложил по городу, назвав каждый их именами. Владимир остался один по смерти отца и братьев, женой его была Адвинда, не раз воспевавшаяся в песнях. Поминают в песнях также их потомков. Один из них, Буривой, затеял войну с варягами, которые разбили его, обложили всю землю данью и выгнали князя за пределы отечества. Буривой удалился в Бярмию, куда его подданные, изнемогшие от насилий, отправили гонцов с просьбой прислать своего сына Гостомысла. Тот быстро поправил дело, разбил и прогнал варягов, заключил с ними мир; настала тишина по всей земле. Для сына своего Выбора он выстроил при море город.

Славный и всеми чтимый Гостомysl потерял всех сыновей, остались лишь дочери. Не без основания печалась о наследнике, он отправился в Колмогард спросить богов. Вещуны сказали ему, что боги дадут наследника из его семени, чему Гостомysl не поверил, ибо был уже стар. И вот видит он сон: из чрева его дочери Умилы выросло большое плодovитое дерево, покрыло сенью весь Великий город, а его плодами насыщались люди. Вещуны объяснили, что ее потомки будут править землею. Чувствуя приближение смерти, созвал Гостомysl старейшин от всей земли, Славян, Руси, Чуди, Веси, Мери, Кривичей и Дреговичей, поведал им о сне и предложил послать к варягам просить князя. Собственно на этом должна кончиться «Повесть о старобитных князьях». Иоакимовская летопись далее повествует о приходе Рюрика с братьями и дальнейших судьбах начальной русской истории. Однако по сравнению с несторовым текстом она представляет некоторые отличия.

Рюрик, пришедший с братьями и родом, на четвертый год своего княжения переселился из старого города в Новгород Великий, ближе к Ильмену. С этого момента он стал зваться «князь великий», по-гречески «архикратор» или «василевс». Он имел несколько жен; от Ефанды, дочери Угорского князя, женой наиболее любимой, родился ему сын Ингорь. Оставшийся малолетним, он был в опеке у Олега, князя Урманского, который женил его на Прекрасе, гостомыслова рода, нарекли ее в свое имя Ольга (этим исполнилось сновидение Гостомысла).

Далее в Иоакимовской летописи приводится обстоятельный рассказ

о крещении новгородцев Добрынею. Жители противились и подняли возмущение. Вдохновителем был жрец Богомил-Соловей, запрещавший креститься. Волнение было велико: «Мы же стоим на Торговой стране, ходим по торжищам и улицам, учаем люди, елико можахом, и тако пребыхом два дни, неколико сот крестья». Бунт был подавлен Путятой. После разграбления церкви Преображения и домов христиан Добрыня приказал сжечь дома, стоявшие у берега. Отсюда и пошла поговорка: «Добрыня крестил огнем, а Путята мечом».

Владимир, приняв христианство, отпустил своих жен с детьми, дав им в удел разные города, остальных выдал за своих приближенных и запретил, чтобы каждый...

На этом обрывались мелхиседековские тетрадки. В примечаниях к напечатанному тексту Татищев пытался объяснить загадочный памятник, неоднократно приводил параллели, указывающие на несомненную связь этих повествований с материалом западным, в частности с польскими хрониками, между прочим со Стрыковским. Однако памятник остается еще в достаточной степени неясным: не разрешены вопросы об авторе, источниках, времени составления, содержании в целом.

Подвинуть дело вперед помогут сопоставления с летописями аналогичными. Их немало в различных хранилищах рукописей. Как своды поздние, они не были объектом исследований и не печатались. Обращу внимание на пять таких манускриптов: 1) Синодальной библиотеки (ныне Гос. Исторического музея) № 794; 2) Румянцевского Музея (ныне Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина) № ССL (по описанию Востокова); 3) того же Музея № ССLII; 4) Исторического музея № 2513; 5) Исторического музея (собрание Е. В. Барсова) № 1790. Все рукописи поздние, XVIII в., к ним прекрасно подходит палеографическая оценка, данная Татищевым манускрипту, полученному от Мелхиседека. Первые две рукописи (Синод. и Румянц. ССL) совершенно сходны между собой. Румянцевский текст носит обстоятельное заглавие: «Книга глаголемая летописец новгородский въкратце церквам божиим, в которое лето которая церковь во имя строена и при котором епископе или архиепископе или митрополите. И в котором годе который архиепископ или епископ, или митрополит поставлены быша и прилучаи в котором годе какие были в великом Новгороде и в пригородах и то в сем летописце чтый и обрящеши».

Заглавие это относится, собственно, к части летописи, начинающейся после водворения христианства в Новгороде, а не ко всему своду с Повестью о князьях старобытных. В списках Синодальном и обоих Исторического музея название короткое: «Выписано из история Киевская зачало великому Новуграду». В Румянцевском ССLII: «Летописец русской и киевской». В этих заглавиях любопытен термин «Киевский», который Востоковым объяснялся тем, что в тексте «находятся вставки из Синопсиса». Однако с последним в своде нет прямого сходства. Отношение разбираемых летописей к «киевской истории» может быть объяснено только зависимостью от тех западнорусских компиляций,

которые возникали под влиянием польских хроник и давали толчок появлению русских исторических сводов.

Повесть о князьях старобитных, подобно Повести временных лет, лежит в основе позднего новгородского летописания. Ее рассказ о древнейших временах новгородской истории в общем одинаков для всех новгородских текстов, хотя и варьируется в списках. Изменения сводятся главным образом к сокращению какого-то более полного повествования, благодаря чему то в одном, то в другом тексте выплывают интересные подробности, отсутствующие в остальных списках.

По наличным вариантам содержание этого «новгородского свода» таково.

По разделении вселенной между сыновьями Ноя, правнуки Афеты — Скиф и Зардан (Изордан) ушли от братии своей в Евксинопонт. Потомки их там размножились и прозвались «Великая Скифия». Среди преемников их значатся Словен, Рус, Болгар, Коман, Истер и Коган Сыроядец, «о нем греческая история последи изъяснит». Между их поданными из-за тесноты начались распри, и Словен и Рус обратились с такой речью к народу: оставим неправду и разногласие, пойдем, куда приведет нас счастье и благословение праотца нашего Афета. В 3099 от сотворения мира ушли оба брата из Евксинопонта, сорок лет ходили по пустыням, перелетая их, как «острокрылатые орлы», наконец дошли до озера Мойска, названного в честь сестры их Ирмери — Ирмерем. Старейший Словен с родом своим сел на реке Мутной, прозванной потом во имя старшего сына Волхва — Волховым. Здесь был основан город Славянск Великий, и новопришельцы скифские стали прозываться славяне. По имени жены Словена — Шелони назвали реку, впадающую в озеро Илмер (Ирмер), другую Волховцем, по меньшему сыну Словена. Волхв был безоугонник и чародей, обращался в лютого змея и крокодила и залегал в реке, много зла творя людям, но был удавлен от бесов, а тело его извержено против городка его, где ныне Перыня. Волховец же жил с отцом в Славянске, где у него родился сын Жилотуг, погибший в протоке, получившем его имя.

Рус поселился «на расстоянии 50 стадий» от Славянска у Соленого Студенца, и основал город Русу. Были основаны и другие города, названные по именам князей и княгинь. Потомки этих насельников жили в славе, богатстве и мирно обладали землями даже до Сибири. Во времена Александра Македонского начальниками их были Великосан, Асси, Алесхасан (Авенхасан). Им македонский царь прислал грамоту («Послание Александра царя Македонского») об установлении дружеских сношений. Князья, приняв ее, повесили с честью по правую сторону своего идола Велеса и установили по этому случаю праздник «в начальный день Примоса месяца».

Спустя много лет славянские князья Лалох и Лахерн ополчились на землю скипетра греческого. Лахерн был убит у моря близ Царьграда, и доныне место его убиения зовется Лахерново. Лалох был ранен, но вернулся с добычей.

Со временем город Славянск запустел от мора. Жители разбежались по разным местам. Опустела и Руса. Иные ушли на Дунай, но, движимые любовью к местам насиженным, вернулись со скифами и болгарами и вновь заселили край. Это было первое запустение Великого Славянска. Второе произошло позднее, от нападения Белых Угров. Город пал окончательно. И только по многому времени новая волна пришельцев оживила старое пепелище. Город был заложен на новом месте, на расстоянии поприща от прежнего Славянска, и был назван Новгород Великий. Старейшиной его был поставлен Гостомysl. Возобновлена была на старом месте Руса и иные многие города обновились.

По городам разошлись старейшины, каждый с родом своим. Кто сел в полях — прозвались поляне, т. е. поляки; полочане получили свое имя от реки Полоты, бужане — от Буга. Другие племена стали называться: мазовяне, мутяне (жмудяне), древляне, кривичи, дреговичи, чюдь, морава, сербы, болгары, сивери, мурома, мордва. За ними, по имени старшего сына гостомыслова, молодого Словена, закрепилось название славян.

Этот младой Словен ушел от рода отца своего в чюдь и там на реке Ходнице основал город Словенск. Сын его Избор переименовал его в Изборск. Он умер изъеденный змеем.

Когда Гостомysl, одевший свою землю снова в порфиру и виссон, состарился, то призвал властителей и сказал им: «Я уже состарился. Когда умру, ступайте в Прусскую и Варяжскую землю и молитесь самодержцев тамошних из рода кесаря Августа, да идут вами владеть, несть вам срама таковым покориться». Вскоре Гостомysl умер и был погребен в Володове. Старейшины же, по его совету, отправили посольство в Варяжскую землю и нашли там «курфистра», или великого князя, Рюрика, рода Августова. Он пришел к славянам с братьями Тривуром и Синеусом, сел в Новгороде, но столицу свою заложил на острове озера Ладоги, Синеус поселился на Белом озере, Тривур в Изборске. Братья вскоре умерли, и Рюрик единодержавствовал после них 17 лет. Во время своего правления он убил некоего новгородца Вадима за смуту; другим ничем его царствование не было омрачено. От него пошло потомство до сего блаженного великого князя Владимира, сподобившегося познать сущего бога.

Такова Повесть о старобытных князьях по наличным вариантам.¹ По сравнению с соответствующим повествованием Иоакимовской летописи наблюдается, с одной стороны, несомненное сходство, состоящее в одинаковом стремлении объяснить племенные и местные термины из собственных имен. Предками славянского племени в разбираемых летописях оказываются одни и те же лица, одинаково намечается место их прародины, уход из нее на север, основание Великого Славянска, а затем Новгорода как поселения новейшего, противопологаемого

¹ Они были напечатаны. См. Ф. Гиляров. Предания русской начальной летописи, М., 1878, Приложения, стр. 15—31. Текст дан по 23 рукописям.

го первоначальной столице. Вещес и пышное правление Гостомысла отмечено всеми списками, равно как и совет его послать за князьями-правителями в Варяжскую землю (тема, в общем, XV—XVI вв.).

Разница в деталях. В Иоакимовской летописи встречаются имена и подробности, не находящиеся в летописях ей подобных. Но таких вставок немного. Татищевский текст скорее дает впечатление более сокращенного, чем остальные. На сокращение указывает как будто одно место Иоакимовского текста: «По смерти Владимира... княжили сынове его и внуки до Буривоя, иже девятый бе по Владимире, имена же сих осми неведомы, ни дел их, разве в песнях древних воспоминают». ¹ Самому Татищеву казалось, что здесь редактор что-то стянул в фактической части: «Видимо,— говорит он в 15-м примечании,— что сей Иоаким и Нестор же так продерззы были имена смышлять, как другие». Под «другими» он разумел Иоанна Магнуса, составителя Готической истории, который не стеснялся имена королей и факты их правления переносить в свой текст, заимствуя целиком из истории Татар. Но в подобных «продерзостях» могут быть уличены более, чем Магнус, сами разбираемые своды, подобные Иоакимовской летописи. В них замечается великое обилие собственных имен, поставленных в живую связь с фактами местной истории. Отсюда вытекает, что Повесть о старобытных князьях ходила не в одной редакции, а ее подлинник либо сокращался, либо добавлялся соответственно подходящим материалам.

Повесть о старобытных князьях, подобно Повести временных лет, вероятно, являла собой замкнутое целое, которое считали долгом класть в основание своеобразных новгородских сводов, подобно тому как с Повести временных лет начинали южное или общерусское летописание. Повесть о старобытных князьях доведена до повествования о принятии христианства. С крещения новгородцев начинался собственно местный новгородский свод. Что это так, доказывается тем, что списки после рассказа о крещении расходятся. Румянцевский ССЛII и Исторического музея 2513 в своем продолжении дают сокращенное летописное повествование о новгородских событиях, постройке церквей, кое-где прослоенное сведениями общерусского характера. Текст Исторического музея копчает изложение 1571 г. известием о неожиданной панике, охватившей народ у церкви Параскевы Пятницы на Торговой стороне Новгорода и распространившейся повсюду столь катастрофично, что купцы бросали товар на торжищах и бежали, и описанием морового поветрия. Румянцевский текст ведет изложение почти до конца XVII в.

В списках Румянцевском ССЛ, Синодальном и Исторического музея 1790 вслед за рассказом о призвании Рюрика помещена «Повесть о ве-

¹ «Песни древних» представлялись Татищеву как песни о богатырях старины. Он сам слышал от «скоморохов» «старинные песни» о Владимире с именами жён его, Илье Муромце, Алеше Поповиче, Соловье-Разбойнике, Дюке Стефановиче, Путяте.

ликом князе Данииле Александровиче Московском», начинающаяся с летописных заметок от 6789 г. и заканчивающаяся сказанием «О начале царствующаго града Москвы», носящим все признаки беллетристической повеллы. Здесь она является случайной, разделяющей новгородскую летопись вставкой. Далее идет продолжение новгородского свода. Во всех рукописях он носит заголовок: «О церквах каменных, е кое время строены в Великом Новеграде и кто их строил». Свод начинается с 6496 г., с крещения новгородцев, излагает события новгородской истории, не только касающиеся постройки церквей, как обещано в заголовке, но и общегражданские. Погодное изложение перебивается вводными статьями, заслуживающими нередко внимание историков литературы. Такие вставки носят (как, например, в рукописи № 1790) киноварные заголовки. Перечислю их:

О чудном видении Спасова образа Мануила царя греческого.

О переселении митрополита киевского в Москву.

Послание архиепископа новгородского Василия Феодору тверскому епископу.

Рукописание Магнуша короля свейского.

Сказание и видение софийского пономаря Аарона при архиепископе новгородском Евфимии Важицком.

В лето 6979 князь великий Иоанн Васильевич ходил с ратию на Великий Новгород за их неправду и за их отступление к латынству. И о сих списано предисловие словес. О первом взятии от великого князя Иоанна Васильевича всея России, деда царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России, когда бысть в Великом Новеграде оприщина.

Сей мор и пожар был вместо потопа по явлению и умолению и пророчеству преподобного отца нашего Варлаама Хутынского, что явился пономарю Тарасию в лето 7013.

Мор великий.

Чудо в Духове монастыре.

О приходе царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России самодержца, како казнил Великий Новград, еже оприщина и разгром именуется.

О взятии Великого Новграда от немец и о разорении его.

В лето 7119 июля в 16 день на память святого священномученика Анфиногена бысть смятение великое в Новгородской области.

Сказание о осаде и о сидении в пречестней обители честного и славного ее Одигитрия чудотворного образа обретения Тихфинския.

Этот новгородский свод, начинающийся с 6496 г. и доведенный до конца XVII в., известен в науке. Он изпечатан в Полном собрании русских летописей под названием «Новгородская третья летопись». ¹ При издании ее употреблены 6 списков, распадающихся на две группы. За основание принят упомянутый выше Румянцевский ССЛ (в издании назван «Рум. I»), сходный с ним Синодальный 794 и две копии первого:

¹ ПСРЛ, т. III.

Киевской Духовной академии и Археографической комиссии. Вся эта группа — XVIII в. Вторую составляют: Строевская рукопись, конца XVII в., и рукопись гр. Толстого (Публичной библиотеки), начала XVIII в. Эта группа давала варианты. Основной ошибкой издателей этой летописи явилось произвольное исключение из печати начала этого новгородского свода — Повести о старобытных князьях. Отсюда памятник утратил свой облик, была исключена возможность суждения о полном составе летописи, тем более, как явствует из предисловия, что вторая группа своим началом, т. е. частью ненапечатанной, несколько отличается от первой: в нем заключаются выписки из Хронографа, затем из «Истории Киевской», потом уже начинается текст Новгородской III. К сожалению, эти опущенные в печати статьи в Предисловии только перечислены, но никак не характеризованы. Отсюда получается, что «Новгородская III летопись» в напечатанном виде есть оторванный кусок позднего новгородского свода, а не какое-либо целостное произведение.¹

Можно приблизительно наметить состав этого новгородского свода. Он содержал повествования об отдаленных предках новгородских славян, колонизации новгородской земли, событиях древнейшей истории Новгорода, призвании варяжских князей, правлении Рюрикава дома до Владимира включительно, крещении великого князя и новгородцев. С последнего известия начиналось изложение новгородской истории, светской и церковной. Списки так называемой Новгородской III доходят до третьей четверти XVI в. Начало свода не поддерживается авторитетом Нестора, не имеет отношения к Повести временных лет и, на самом деле, вызывает сомнения поэтической складностью объяснений и баснословными подробностями, из которых, однако, некоторые подкрепляются каноническими летописями (например, упоминания о Гостомысле находятся в летописях Софийской I, Тверской и Воскресенской)

Все списки этого свода кончаются одним и тем же известием: «В лето 7182 декабря в 22 день поставлен бысть в Великий Нов Град в митрополиты Иоаким избранием и повелением благочестивого великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея России самодержца и рукоположением святейшего Питирима патриарха Московского и всея России, а взят из Чудова монастыря из архимандритов, а приехал в великий Нов град феурала 4 день во вторник на Сырныя недели и бысть во владычестве 7 месяцев и 9 дней. (При сем Иоакиме митрополите поставлены бысть часы на митрополичьем дворе над вратами на каменной церкви.² Конец новгородскому летописцу».

¹ При описании рукописи ССЛ Востоков прибавил: «Это тот самый летописец, который в Опыте о посадниках новгородских назван Новгородским третьим». Выходит, что термин «Новгородская III» введен в ход В. Григоровичем, автором «Опыта» («Опыт о посадниках новгородских», М., 1821; имени автора нет). В числе 15 летописей, привлеченных им к исследованию, он указывает на рукопись, доведенную до времени царя Алексея Михайловича, находящуюся в библиотеке гр. Н. П. Румянцева, и называет ее «новгородским рукописным» или «новгородским третьим» летописцем.

² Доставленное в скобках находится не во всех списках.

Список Румянцевский ССЛН хотя дает сокращенный вариант свода, тем не менее заключается подобной же летописной заметкой с некоторыми добавками. 1) После слов: «На Сырныя (Масленные — в этом списке) недели» прибавлено: «и бысть при нем всякому чину тишина и смиренне во всем много. И бысть на владычестве...» 2) после: «поставлены бысть часы» — «каменные вельми высоки на митрополье дворе над воротами и на каменной церкви, а делали с Тифины мастер Иван и указное колесо поставлено всеми видимо. И того же лета июля в 26 день возведен бысть на патриаршество, а ставил его Казанский митрополит Корнилий со иными митрополиты и архиепископы и епископы».

Несомненно, существовал основной текст новгородского свода, и рассматриваемые рукописи являются с него списками. Этим и объясняются сокращения и варианты. Свод заканчивается известием о прибытии в Новгород и пребывании там на митрополичьей кафедре Иоакима, переведенного отсюда на патриарший престол. Только Строевский и Толстовский списки продолжают свод дальнейшими новгородскими событиями, первый до 7207 г. (известие о реставрации Знаменской церкви), второй — до 7224 г. (о кончине новгородского митрополита Иова). Здесь налицо попытка продолжить основной свод, плохо выдержанная по языку и с перебоями в обозначении дат: годы выставлены по старому и новому способу: 7214, 1709, 7218.

По наблюдению Сенигова,¹ во всех дошедших новгородских летописях, начиная с древнейших времен до второй четверти XVIII в., одинаково встречаются известия о событиях внутренней жизни Новгорода. Среди них первое место занимают дела церковные, построения церквей и монастырей, поставления и кончины епископов, игуменов и игуменей. Как ни краток отрывок Иоакимовской летописи, но и в нем, в рассказе о бунте новгородцев, имевшем место при крещении, отмечено, что была разметана церковь Преображения господня. Летописец счел долгом обратить внимание на наличие церкви в Новгороде в столь отдаленное время (989 г.). С этой стороны Иоакимовская летопись по характеру подходит к новгородским сводам. С другой — баснословный колорит ее известен, как указано, вполне подобен напечатанной части Новгородской III летописи. Отсюда естественно предположить, что Повесть о старобытных князьях мелхиседековского манускрипта начинала собою такой же свод, каким является упомянутая Новгородская третья летопись. Мелхиседек Борщов, вероятно, отослал Татищеву три первых тетради именно потому, что занимательное повествование заключалось только в них, а далее шли деловые известия новгородской истории.

Анализ этого новгородского свода ждет исследователей. Им принадлежит работа сличения вариантов, отыскание источников, установление протографа. Однако и теперь останавливает внимание одна любопытная деталь: упоминание об Иоакиме в начале напечатанного Татищевым

¹ И. Сенигов. Указ. соч., стр. 26—27.

текста и заключительная заметка новгородского свода также об Иоакиме. Такое совпадение не случайно.

Имя Иоакима — автора встречается не только в татищевском отрывке. В одном из списков Новгородской I летописи — Комиссионном, позднего происхождения, находится такое надписание: «Летопись Акима — епископа новгородского. Откуда пошла Русская земля и кто в ней прежде нача княжити и откуда Русская земля пошла есть именем, о семь начнем повесть сию вкратце из великого летописанья». Перефразированное начало Повести временных лет здесь носит имя не Нестора Черноризца, а епископа Иоакима. Значит, существовала какая-то традиция о сводчике, носившем такое имя. Затем другой из списков той же Новгородской первой — Академический I, начинает свое повествование, как говорит В. С. Иконников,¹ баснословной повестью о начале Новгорода, сочиненной в XVII в. в угоду современным требованиям.² Отсюда вытекает, что «баснословное» введение — повидимому, та же «Повесть о старобытных князьях» — является отличительной особенностью новгородских сводов, начинающих свое фактическое изложение с крещения новгородцев. Эта позднего происхождения баснословная повесть, повидимому, органически была соединена с каким-нибудь определенным сводом, но ею могли пользоваться и в тех случаях, где в летописи почему-либо недоставало начала. В Новгородской первой ее легко можно было присоединить, потому что как древнейшая новгородская летопись она начиналась именно с крещения новгородцев и позднейшему редактору ничего не говорила о временах более ранних. Желание создать древнейшую историю Новгорода до 989 г. могло быть вполне естественным, поэтому в позднее время и составила «Повесть о старобытных князьях» по всем правилам тогдашней литературной школы. Прагматическая риторика, введение занимательных рассказов хронографического типа, стремление возвести этнические наименования к собственным именам родоначальников-князей, введение исторических повестей подсказывает, что временем возникновения такой композиции мог быть XVII век.

Выше указано, что Повесть о старобытных князьях органически связывается с Новгородской III летописью. Весь свод уделяет преимущественное внимание построению каменных церквей, когда, во чье имя, при каком епископе или митрополите они были разорены, поправлены или освящены, событиям вообще церковным, в связи с которыми рассказаны светские «прилучаи» в городе и пригородах. Такой подбор материала показывает, что летопись вышла из церковных новгородских кругов.

Вряд ли случайно кончается свод сведением о митрополите Иоакиме.

¹ В. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. I, Киев, 1908, стр. 673, прим. 1.

² В Полном собрании русских летописей и в отдельном издании Новгородской I-й летописи, как и при издании III, не включено это «баснословное» введение; об этом остается снова пожалеть.

Весьма возможно, что свод был составлен по его почину, под его наблюдением и всецело принадлежит митрополичьей канцелярии. Личность Иоакима, новгородского митрополита, потом патриарха всея Руси, замечательна во многих отношениях.¹ Он родился 6 января 1621 г. в семье Можайских дворян Савеловых, послал в миру имя Иван, был женат и служил военным. По смерти жены и детей постригся в монахи в южном Киево-Межигорском монастыре, где было устроено примерное общежитие, прославленное Петром Могилою. Получив достаточное образование по своему дворянскому происхождению, Иван, теперь Иоаким, приобщился к южно-русской церковной учености, сделавшись иноком монастыря в Киевщине, открытого для западных влияний. В монастыре, однако, он пробыл недолго: патриарх Никон, устраивая роскошно свой Иверский монастырь на о. Балдае, был озабочен не только созданием блестящей внешности обители, но и подбором высокоразвитой братии. В наставлении иверскому архимандриту Дионисию он писал, между прочим, чтобы тот из монашеского клира выбрал 12 человек, которые могли бы сказать «перед царем и перед нами орацию, краткую и богословную и похвальную» на встречу и на отшествие из обители царя и его, патриарха. Значит, было немало специалистов по ораторской части. Монастырь был населен монахами Кутеевского Оршанского монастыря, вытесненного иезуитами и униатами. Кутеевская типография, известная изданием многих книг, была переведена в Иверский монастырь. В эту-то образованную среду был вызван патриархом и старец Иоаким. Основание Иверского монастыря относится к 1657 году, с которого началась также его издательская деятельность. Никону, вероятно, Иоаким казался вполне подходящим для нового культурного начинания.

60-е годы застают Иоакима приехавшим в Москву по делам обители. Здесь его личность обратила на себя внимание. Основатель ученого братства в Андреевском монастыре Федор Михайлович Ртищев пригласил его к себе, в основанную им коллегию, где было уже собрано тридцать ученых южно-русских монахов, на которых было возложено преподавание славянской и греческой грамматики и перевод священных книг. Обращение Ртищева к Иоакиму подтверждает, что последний производил впечатление недюжинной умственной силы.

Иоаким принял предложение и остался в Москве. С этих пор началось его постепенное возвышение. Из Андреевского монастыря он перешел келарем в Новоспасский, а с 1664 г. сделался архимандритом Чудова монастыря. В это время у него завязались личные сношения с царем и с патриархами Александрийским и Антиохийским, гостившими в столице. На царя Иоаким произвел впечатление, и тот осыпал его милостями. Между прочим, царь выхлопотал ему у патриархов

¹ П. Смирнов. Иоаким, патриарх Московский — Чтения в Об-ве дух. просвещения, 1879; февраль, апрель, ноябрь; 1880, май; 1881, апрель, май; А. Бережков. Всероссийский патриарх Иоаким Савелов — Прибавл. VI к Отчетам о заседаниях Об-ва люб. древн. письменности; Н. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, Сергиев Посад. 1912.

право носить мантию со скрижалями и среброкованный архиерейский жезл, право, до тех пор присвоенное лишь архимандриту Сергиева монастыря. Когда умер патриарх Иоасаф и на его место был возведен новгородский митрополит Питирим, царь снова обратился к любимцу, и 22 декабря 1673 г. Иоаким был возведен в Москве патриархом и митрополиты Новгорода. Наконец, по смерти Питирима, после управления новгородской митрополией несколько более 7 месяцев, Иоаким 26 июля 1674 г. сделался патриархом.

Он умер 17 марта 1690 г.; патриарший престол занимал, таким образом, почти 16 лет. Длительное время его патриаршества было весьма тревожным и бойким. Только что отшумел никоновский процесс, создавший раскол в церкви, оставивший недоведенными до конца реформы, недоправленными книги, как возникли новые осложнения в церковной жизни. Духовенство было расшатано материально и духовно. Целым рядом административных указов патриарх ввел дисциплину в духовное сословие, упорядочил экономическую сторону его жизни. В 1679 г. был издан указ об исправлении богослужебных книг, довершивший начатое Никоном. Апостол и, вероятно, Новый Завет при этом исправлении получили ту редакцию, под которой известны доньше. В 1682 г. завершились работы целой комиссии над составлением Церковного устава, — Типикон, текст которого также дошел до настоящего времени. Эта просветительная и организационная деятельность, помимо личных качеств, показывает, что Иоаким не отставал от тогдашней учености и сам был писателем.¹

Но та же ученость сыграла роль, чуть не причинившая церкви опасность нового, едва ли не большего раскола. Усилившийся после присоединения Украины приток южно-русских монахов, возвращавшаяся из-за границы молодежь вносили в церковный обиход сблазны и сомнения латинства. Последнее находило приверженцев в среде привилегированного духовенства. Проповеди Симеона Полоцкого составлялись по латинским и польским пособиям, Сильвестр Медведев питал явную склонность к римской церкви. Католическая проповедь шла широким потоком: недаром в Немецкой слободе жили под видом купцов иезуиты. В результате с особенной остротой возник догматический вопрос о пресуществлении св. даров. Поднялись страстные споры, причинившие немало волнений патриарху. Иоаким через восточную патриархию написал книги о чине богослужения и церковных священнодействий, поручил переводить их ученику Епифания Славинецкого Евфимию. Дебаты велись, главным образом, через литературу. Против латинского (печатного) памфлета «Выказд» были под наблюдением Иоакима состав-

¹ От Иоакима, не считая писем к лицам, бывшим в Крымском походе, дошло свыше десяти сочинений, главным образом поучительного характера. Большинство направлено против раскола, в том числе полемический «Цвет духовный». Патриарх не заботился о едином стиле, широко пользовался источниками, однако, мог писать вполне литературно. Его «Духовное завещание» изложено легким языком, красноречиво (А. С. Соловьев. О сочинениях Иоакима, «Странник», 1872).

лены рассуждения: полемическое — «Обличение» и догматическое — «Беседа» о свхаристии.

Страсти кипели. Наряду с католической пропагандой действовали немцы, распускаявшие листовки по западным переводам; нередко становились они учителями, наподобие французов следующего XVIII в.; действовали раскольники с Никитой Пустосвятом; выступал с своими мистическими писаниями Квирии Кульман, пытаный и сожженный московским правительством. Если прибавить сюда политические осложнения — стрелецкие мятежи, борьбу партий Софьи и Нарышкиных, к которой не безучастно относился сам патриарх, то приходится заключить, что Иоакиму нельзя было сидеть сложа руки.

Личность патриарха выявилась в этом борежье. Он оказался человеком энергичным, очень умным, не чуждавшимся западной науки, но строго православным; Иоаким ратовал против «латинства» и широко отворял двери для греческого научного влияния. Его убеждения всего ярче сказались в деле организации московской высшей школы, Академии. Патриарх всячески противодействовал стремлениям сделать из нее латинское училище, но самую идею царя Феодора о высшей школе вполне одобрял. Собственно уже к истории Академии относится любопытный спор, в каком направлении установить учебные планы. Победила точка зрения патриарха: «Славяно-Греческая» Академия открылась в Заиконоспасском монастыре, как проектировал и наставлял игумен его, Сильвестр Медведев, но не латинская, а греческая, и не ему, а фаворитам Иоакима — грекам Лихудам, были поручены организация и ведение нового начинания. Патриарх много сделал для Академии, и его преемник Адриан, казалось, не мог заменить умершего благодетеля, о котором студенты «великий дождь слез на землю пролили, яко сиря от отца оставшеся».

В своем духовном завещании патриарх неумолимо и сурово предостерегал против иноземцев, наплыва которых в Россию боялся и предчувствовал.

Умственный склад патриарха вполне допускает возможность предположения, что летописный свод был создан во время пребывания его на митрополичьей кафедре. Иоаким мог быть вдохновителем, редактором летописи. Сотрудников было сколько угодно: монахи Иверской обители Никоном были признаны способными к составлению «ораций», т. е. искусными в литературном стиле. Эти южно-русские пришельцы помогут объяснить и вышеуказанную связь Иоакимовского свода с польскими хрониками. Впрочем, связь эта не была столь решительной. Проф. Сенигов утверждает, что такие события, как избрание посадника Гостомысла, построение Ладоги и Новгорода, призвание варягов по совету Гостомысла, рождение Игоря, бунт Вадима были достоянием народной памяти, передавались устно из поколения в поколение и попали, наконец, в свод. Аналогичные примеры многочисленны. Не объясняется ли, продолжает тот же исследователь,¹ отсутствие предания о по-

¹ И. Сенигов. Указ. соч., стр. 15 и прим. 68 на стр. 16.

строении Новгорода Рюриком в других летописях сознательным отношением редакторов к устным преданиям?

Что Иоаким принимал вообще участие в летописном деле, показывает сохранившаяся «Роспись» или «Краткий летописец Новгородских владык»,¹ начинающийся с 6497 г. — крещения новгородцев и прихода к ним Иоакима Корсунянина и кончающийся 7181 г. — подробным рассказом о поставлении Иоакима новгородским митрополитом и его чуть ли не первом административном акте — установлении «степени» для игуменов, «которые бывают в соборах, во священном служении и молебном пении и в лику стоят и заседают под новгородскими протопопы». Постановление митрополита по этому вопросу было занесено в «Чиновную книгу», говорит запись. В. С. Иконников, разбирая состав Росписи, показывает, что свой окончательный вид она получила при митрополите Иоакиме.² Вполне возможно, что ему принадлежит инициатива и другого, обстоятельного свода, обнимавшего всю церковную историю Новгорода с древнейших времен. Свод назвался Иоакимовской летописью, подобно тому как другой теперь называется Никоновской, по имени другого патриарха. Детальное исследование списков, восходящих к этому своду, поможет установить первоначальный состав «Иоакимовской летописи».

¹ Помещена в Приложении к Новгородской II летописи. — ПСРЛ, т. III. Списки XVII—XVIII в.

² В. Иконников. Указ. соч., т. II, кн. I, стр. 722.